Елена Хейфец
О чём грустишь, май?

Елена Евгеньевна Хейфец
О чём грустишь, май?

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65469247
ISBN 978-5-04-155116-2

Аннотация

Рассказы Елены Хейфец – небольшие по объёму повествования, – попадают прямо в сердце, заставляют задуматься о смысле жизни, о связях между людьми, о человечности и жестокости, добре и зле. Это взаимоотношения между мужчиной и женщиной, жизнь бомжа на свалке, судьба зэка, лис на ферме, ищущий свободу. О вечной любви матери к сыну, о любви и предательстве, любви и верности – основные темы этого сборника. Приглашая в мир героев своих рассказов, автор предлагает читателю разобраться в хитросплетении жизненных ситуаций, чувств и отношений.

Эта книга о том, что ежедневно может происходить и происходит вокруг нас.

Содержание

1. Кража 4
2. Судьбина 8
3. Жемчужина 20
4. МамАся 30
5. Как-нибудь сами 40
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Елена Хейфец
О чём грустишь, май?

1. Кража

Вы держали в руках ветер?
А в капле октябрьского дождя ловили солнце?
Если нет, то что вы знаете о жизни?

– Мелочиться и собачиться не будем! Тебе квартира, мне обе машины. Алименты на Стёпку плюс тысяча долларов ежемесячно на тебя, мебель, естественно, твоя – живи и радуйся. Думаю, я справедлив и тебя не обижаю. Чего ты молчишь? Ну, чего ты молчишь? Не обижаю?

– Не обижаешь.

Лиза смотрела на Никиту и ничего не понимала. Ещё вчера была жизнь и завтрашний день и любовь… Сегодня ни жизни, ни любви. Что теперь?

Ещё вчера…

Луг удивительно сильно пах мёдом. Или это мёд потом пахнет лугом?

Небо сливается с горизонтом, поэтому день состоит из двух красок: голубой и жёлтой. Голубой верх, жёлтый низ.

Летняя истома, июльская лень и любовь. Вот он лежит на рыжем одеяле – весь загорелый, с красивым мускулистым телом, и глаза голубые, как небосвод. И не хочется думать, что любовь краденая, чужая, ей не принадлежащая. Сбежал на время от семьи, маленькой дочки и лежит тут среди левкоев и ромашек без какого-либо чувства вины. У Лизы его тоже не было. Ей-то что? Она молода, свободна и любима. Нет сил отказаться от всего этого. Нет сил.

– Кит, смотри, птица большая парит. Кто это? Сокол?

– Не знаю. Может, сокол, а может, воробей. Какая разница? Мне всё равно! Зато я знаю, кто здесь рядом лежит.

Никита тянет её за руку на рыжий плед…

Встречи не часты. Бывает, среди дня звонит:

– Я ото всех оторвался! В пять на углу.

И вёз её в поля, в пахучее разнотравье, в солнце, к пчёлам, жукам и соколу-воробью, что парит в синей выси.

Вот оно счастье, сладость греха, безумие чувств, когда сердечная мышца отказывается работать…

А сегодня…

Сегодня всё наоборот. Теперь всё наоборот, теперь он другую ждёт на углу…

Крала чужое счастье, теперь у неё, Лизы, крадут. Всё по справедливости.

– Лиза, я думаю, что мы найдём общий язык, и Стёпку я буду видеть столько, сколько захочу. Ну что ты всё мол-

чишь? – Никита раздражённо посмотрел на часы. – Только давай без упрёков! Жизнь есть жизнь. Человек меняется, меняются чувства. Это естественно. Не бывает любви на всю жизнь.

Вот они голубые глаза, вот они идеальные пропорции!
Что это было?
Мир съёжился…
Как жить?
Не просто жить, а без НЕГО?
Как?
Полиняло небо…
Облезли луга…
Сокол не летает…
– Никита, как жить?
– Ну, жила же раньше… Я нормальный. Я женщин не обижаю. Всё будет хорошо.
Повернулся, зашагал к машине.
Пахнуло медовым лугом…

Вы держали в руках ветер?
А в капле октябрьского дождя ловили солнце?
Если нет – что вы знаете о жизни…

Эх, судьба-судьбина,
ты почто не ласкова?

Не жалеешь сына Божьего,
Сына, да без матушки…

русская народная песня

2. Судьбина

«Лёка, 27 лет, рост 157, Скорпион, весёлая и симпатичная, познакомится с порядочным, добрым, и нежным мужчиной для серьёзных отношений. Карелия, Беломорский район, посёлок Сосновец».

Стас кашлянул, бросил газету на грязный, в семечной шелухе и крошках хлеба, стол. А что, если взять и рвануть к этой Лёке? Если в его порядочности кто-то и может усомниться, то уж с нежностью к слабому полу у него всё в порядке. Было бы, где лето пересидеть подальше от города.

Стас месяц как вышел из заключения, а вчера с дружками не удержался и грабанул продуктовый магазин. И брать-то нечего было – продавцы вечером кассу сдали. Набрали хлама всякого, вина, колбасы, и что-то сердце чуяло недоброе. Как бы вновь не сесть! Хотел Стас совсем завязать: за плечами тридцать лет и три года отсидки. Год по малолетке за хулиганство, пять за грабёж и три за угон машины. Обидно! Другие не попадаются, а у него всё как-то неладно складывается – лучшие годы на зоне парился.

Стас был детдомовский, мать давно лишили родительских прав, а отца сроду никто никогда не видел. Да и был ли он, отец-то? Так, нагуляла неведомо от кого, сама не помнила. В детдоме запомнились злые тётки, хуже надсмотрщиков, крики и побои. Один Петрович, физрук, ребят жалел и старая

нянечка Степановна. В детдоме процветало воровство, все тащили продукты, а из того жалкого, что оставалось, готовили отвратную пищу для и без того обездоленных детей. Стасу всегда хотелось есть.

Светлых моментов в жизни вообще как бы и не было. Успел Стас между отсидками окончить ПТУ, неплохо разбирался в автомобилях, но на работу никто не брал, он уже имел клеймо ворюги. Жилья не было, денег тоже. Откуда всё это брать? Он и машину последнюю брал, чтобы жизнь с чего-то начать. Думал, если у человека есть машина, не последний харч доедает, заработает ещё на одну, но ничего хорошего из этой затеи не получилось.

Сейчас жил у дружка, тоже бывшего детдомовца. Стас давно понял, что, скорее всего, другого пути у него не будет. По зонам ему мотаться весь свой воровской век его судьбина ему предписывала. Хотел бы работать честно, так ведь не дают. Ну и ладно! Пусть те горбатятся, кому мамка пирожки в детстве пекла… А он ни тогда никому не нужен был, ни сейчас…

В данный момент надо ему где-то отсидеться, не хотелось вот так быстро на зону, не нагулялся ещё. План на ближайшую жизнь созрел у Стаса внезапно, случайно, благодаря подвернувшейся газете с объявлениями. Подумал и послал телеграммму неизвестной Лёке: «Лёка, верю – я тот, кто тебе нужен. Еду. Жди. Стас». Набрал одежды поновей у дружков-подельников – вот, жаль, визитные карточки на руках

синеют, не скрыть, не замазать. Ничего, сочиню жалостливую историю. Он не сомневался, что сразит Лёку своей мужской наружностью. Стас на самом деле был парень видный.

Купив билет, сел в плацкартный вагон, залез на верхнюю полку. Зашёлся в кашле. Подумал: «На нарах почти также уютно – подушка, как кисель, бельё серое, сырое, и народу битком!»

Стас лежал, смотрел на пробегающие станции и вспоминал свою жизнь.

Был один счастливый момент в серости его одинаковых дней. Он равнялся трём месяцам. В приюте, в котором он проживал до детдома, его взяла для усыновления красивая сорокалетняя женщина. Он её даже мамой стал называть. Было ему тогда всего пять лет, но память отпечатала мельчайшие подробности – какие игрушки у него были, как вкусно кормила его новая мама, какие костюмчики покупала и как демонстрировала своим подругам. Здорово было! Но, видно, холёная дама сил своих не соизмерила и, поняв, что ребёнок не игрушка и отнимает много времени, раздумала усыновлять мальчика. Свобода оказалась дороже, да и вдруг появившийся сожитель был против ребёнка. Они ссорились, кричали друг на друга, а Стас сидел в углу и плакал. Он понимал, что это из-за него, и очень не хотел сердить этих людей. Он интуитивно боялся, что сказка с обретением мамы может закончиться. И она закончилась… Дальше был какой-то провал в памяти. Помнит только, как эта женщина,

вернув его в приют, наклонилась к нему поцеловать, обдала волной сладких душных духов и сказала: «Прости меня когда-нибудь». И застучала каблучками: тук-тук-тук, тук-тук-тук. И звук этот становился всё тише, а женщина всё дальше – тук-тук-тук, тук-тук-тук.

И не было ничего страшнее звука этих шагов… Может, тогда его судьба-судьбина могла дать другой поворот – могла, но не сделала этого?

От той жизни осталась большая пожарная машина, матросский костюмчик и зарубка в душе.

В детдоме окончил семь классов, тогда же было первое правонарушение, когда он с парой друзей зимой залезал в чужие дачи. Ребят абсолютно не интересовали материальные ценности – только еда. Они набирали банки с компотами и вареньем, прятали в тайник, объедались сладким до больных животов, и угощали по очереди ребят.

Однажды сунулись в очередной дачный домик, а там на столе стояла бутылка водки, промёрзшие огурцы и записка: «Угощайтесь, но очень прошу – не громите дачу». Впервые Стас с ребятами попробовали водку. От неё стало жарко и весело. Распив на голодный желудок бутылку, разморились и заснули там же в замороженной даче. Утром их поднял милиционер. Таким был первый привод в милицию и первый срок. Восьмой класс окончил на зоне, а клеймо «вор» пристало тогда же. Зэковская закалка была получена, и наука эта засела в голове покрепче школьных истин.

Стас любил читать, но в книгах было ясно, где чёрное, где белое, а в жизни вступали в силу полутона и оттенки.

«Поди разберись, где положительный герой, а где отрицательный», – размышлял Стас. На зоне и подавно всё сложнее. К примеру, сидит человек за злостное преступление, а по сути своей душа человек: добрый, открытый, интересный, последнюю рубашку отдаст, друга не предаст и пса не обидит. Или другой пример – за чёрное дело мужик наказан, но попал в это дело случайно, по дурости, по слабости. Наказывать его, может, и не стоило, он сам себя казнит, а это хуже срока. Правда, много на зоне и нелюдей, живут без закона в душе. Нигде для них правды нет. Это страшные люди. Таких Стас старался избегать. Сложно отмыться от тюрьмы, всю жизнь так и будут везде тыкать – «зэк».

А хочется Стасу нормальной жизни – дома, жены, детей, ведь пора уже, но никогда у него этого, наверное, не будет. Судьбина такая. Это у других людей судьба, а у таких, как он, – судьбина, она посуровей.

На взрослой зоне научили его, как в больничку попадать. Больничка для зэка – радость и отдых, за это её и называют так ласково. Вариантов туда попасть много, а этот – один из них. Нечасто решались зэки на то, на что рискнул пойти Стас. Фокус этот был опасен для жизни. Человек возле стены вставал вниз головой и сам себе в лёгкое загонял тонкий стальной штырь (заточенный электрод для сварки), как раз под сердце. Потом зэк возвращался в исходное положение.

Когда он вставал на ноги, сердце опускалось на этот штырь, и рентген показывал, будто сердце пробито. Начиналась суматоха, потому что налицо попытка самоубийства, хотя зэк и не собирался расставаться со своей драгоценной жизнью, а проделывал этот экстремальный фокус исключительно, ради отдыха в больничке. За доведение до самоубийства начальство били по шапкам. Пока разбирались, зэк поправлял здоровье в условиях лучше, чем тюремная камера, да ещё и в окружении женского медперсонала.

Первый раз делать это было страшно, но Стаса так допекли допросами и битьём по поводу сокрытия им награбленного, что другого выхода не было – забьют!

Он действительно со своим дружком Петром Кузиным кое-что не вернул. Кое-что было антикварным набором посуды. Кузина менты в тюрьме забили насмерть, написав в заключении «смерть от сердечной недостаточности». Принялись за Стаса, но он шёл в отказную: мол, всё припрятал умерший дружок, но менты не верили, вот и пришлось в лёгкие штырь засадить. Два месяца в больничке балдел, и трогать с этой посудой перестали. Второй раз делать этот фокус было уже не так страшно. Пошёл он на него, желая уйти из камеры, в которой не сошёлся характером с рецидивистом Моней. Лютый зверь был Моня, злобный и ничтожный человечишка, жил не по понятиям, всех в камере унижал. Стас не хотел подчиняться этой твари и пошёл второй раз на фокус со штырём.

Во второй раз острый стержень чуть было не пропорол сердце, пройдя в миллиметре от него в момент его сокращения. Чудом остался жив, но в рану занёс заразу и чуть было не загнулся от сепсиса – температура сорок держалась долго. Стас бредил, ничего не понимал. Лекарства в тюрьме экономили, так что он выздоравливал только благодаря своим силам. С тех пор лёгкие у Стаса слабые, чуть что – кашель терзал затяжной и мучительный.

Стас не спал до самого утра, пытался представить себе Лёку.

– Что это за Скорпион такой? Наверное, деревенская простушка, засидевшаяся в девках и рискнувшая поискать жениха на просторах страны? А может, Лёка – это красавица недотрога, которой все парни не по душе, и она ждёт-пождёт принца заморского? А вот он, тут как тут, принц-то собственной персоной! Даже посуда царская имеется!

Странно, почему он из множества объявлений выбрал эту Лёку? Наверное, понравилось, что живёт далеко. В городе, конечно, девчат полно, только из города надо было сматываться… И зачем только он в этот магазин полез, поддался на уговоры? Как-то неловко было отказывать, живёт в чужом доме, за чужой счёт. А теперь, если его вычислят, дадут за вино с колбасой срок как рецидивисту, по полной программе: Не исправился, сволочь, – получай!

Как-то на зоне переписывался Стас с девчонкой с воли, тоже адрес в газете нашёл. Она ему страстные письма слала,

он ей. Она ему фотографию свою, он ей свою. А потом ребята раскусили, что девица перефотографировала американскую киноактрису Джейн Фонду. Не понравилась Стасу такая неискренность. А когда он на этот Голливуд на свидании глянул, раздумал любовь крутить. Больно страшна была эта Джейн Фонда. Может, и Лёка такая же? А что, если к Лёке этой он не один явится? Хотя вряд ли… Если кто и собрался, так переписываться будет вначале. Без предварительного договора кто ж деньги поедет просаживать? Некому его опережать, он первым будет! – думал Стас, глядя в окно.

А вдруг Лёка эта – хорошая баба, полюбит его с первого взгляда, и он тоже влюбится? Поженятся они, дом построят, детишек будут растить! Красота! Позабудет прошлое на новом месте. Будет только будущее и настоящее. Может, это шанс поспорить с судьбиной? Деньги у них будут, у него ещё золотая посуда есть: съездит, откопает, о том тайнике теперь только ему известно. Пётр, царство ему небесное, ею уже не воспользуется. А посуда эта больших денег стоит, надо только подождать, чтобы менты след не взяли. Пусть лежит себе царское добро, его дожидается.

Вполне возможно, в городке его скоро будут искать, предчувствие нехорошее. После отсидки полгода за бывшим зэком ведётся наблюдение, чтобы тот вновь не встал на преступный путь. Через день надо ходить в ментовку, отмечаться, мол, ничего плохого не сотворил – живу себе без работы и без квартиры, жирую, так что не стоит беспокоиться.

Не появишься в ментовке один раз, происходит повод для волнения в органах правопорядка. Участковый будет очень недоволен, ибо будут его шерстить, дескать, не справляешься с участком, плохо работаешь, если не знаешь, где твои зэки прогуливаются.

А теперь ещё этот прокол с магазином… Ну, пусть ищут, не найдут. У него начинается новая жизнь! –

Однажды, когда Стасу было десять лет, он решил разыскать мать. Кое-какие сведения он в детдоме получил, то есть фамилию, имя, отчество. В адресном бюро такую гражданку, где-либо прописанную, не нашли, и он стал убегать с уроков, бродить по вокзалам и базарам, разыскивая мать. Он о ней всё время думал.

Вдруг мать изменилась, страдает и ищет его много лет.

Однажды Стас увидел женщину, которая, как ему показалось, была похожа на его мать. Когда его отдали в приют, ему было три года, может, что-то и запомнил, во всяком случае, женщина показалась знакомой. Он смотрел на неё и не решался подойти, понимая, что затея эта зряшная, ибо женщина с красным отёкшим лицом была сильно пьяна, бессмысленно что-то бормотала, злобно ругалась и, приставая к прохожим, беспрерывно падала.

«Если это моя мать, я ничего не хочу знать о ней! – решил Стас. – Пусть будет, как было. Никто меня не искал и не ищет!»

После этой встречи, его фантазии поутихли, и он успоко-

ился. «Буду сиротой, – думал Стас, – без родителей, сколько детей живёт!»

Стас смотрел в окно на мелькающие станции, крохотные, похожие друг на друга поселковые вокзалы, далёкие, уплывающие вдаль огни деревень. Это мелькание успокаивало, обманывало его всеобщим равновесием и покоем. Вспомнилась ему почему-то его первая любовь.

Таня тоже была детдомовской, ей было, как и ему, тринадцать, хрупкая девчушка была стрижена под мальчика. Тогда всех девчат стригли одинаково, чтобы вшей не разводили. Многие девчонки плакали, просили не стричь, но закон детдомовский был одинаков для всех. Таня кокетливо улыбалась ему из-под своей мальчишеской чёлки. А на уроках они писали друг другу любовные записки. Сердце от этого ухало и замирало. У Стаса никогда не было карманных денег, а как они нужны любому человеку. Стас твёрдо усвоил тогда ещё, что человек без денег – ничто! Ему очень хотелось сводить Таню в кино, но где взять пятьдесят копеек на два билета? А если б ещё угостить мороженым? Он не знал, что делать, и просто попросил денег у физрука Петровича. Петрович всё понял и молча дал ему свой золотой запас – рубль! Стас повёл Таню в кино, как взрослый: это было незабываемым эпизодом в его беспутной жизни. Так хорошо он себя не будет чувствовать после этого кино очень долго. А физруку, через год, после того как окончил школу в колонии, Стас сделал подарок, – на честно заработанные деньги купил

новый футбольный мяч, о котором когда-то мечтали все пацаны в школе. Не знал Стас, что посылка его без адреса едет – Петрович уж полгода как преставился.

Как всё-таки хорошо, что он уехал из своего городка! Что его связывает с ним? Только дурные воспоминания, от которых холодно становится внутри. Надо надеяться, что всё у него теперь сложится по-другому в далёкой Карелии, до которой ещё сутки пути.

«Лёка-Лёка-Лёка», – стучали колёса, как стучали каблучки у его второй мамы тук-тук-тук-тук.

– Гражданин! Проснитесь!

Кто-то тряс его за плечо. Стас открыл глаза. Перед ним стоял милиционер. Нахмурившись, он посмотрел документы и сказал строго: «Вам придётся пройти со мной во второй вагон для выяснения некоторых обстоятельств».

Стас слез с полки, долго и неловко обувался. В голове стучали молотки: «Неужели не уйти мне от судьбины? Опять она, гадина, на свой лад всё переиначивает! Надоела, стерва!»

Пока милиционер шагал чуть впереди, прорываясь сквозь заслоны дверей, Стас рванул в сторону к незапертой двери вагона, замешкался на секунду и прыгнул на полном ходу на железнодорожную насыпь. Люди, смотревшие в окна, даже не поняли ничего: что-то вроде выпало – то ли человек, то ли вещь какая, да так и осталась лежать на песчаной насыпи, заросшей жидкой, жёлтой травой.

Только колёса стучат и стучат:
«Тук-тук-тук-тук, Лёка-Лёка-Лёка-Лёка…»

3. Жемчужина

«Только бы Костя не звал на свидание! Со мной можно только переписываться. Он не должен видеть моего больного тела, моих некрасивых ног. Что я должна буду придумывать? Я никогда не признаюсь, что я инвалид, дэцэпэшница. Есть письма и слава богу!» – думала Римма.

Косте – мужчине, с которым у неё образовалась переписка, – она не решилась даже дать номер телефона. У неё не было опыта общения с противоположным полом. Боялась, что в разговоре волнение собьёт её с толку. Эпистолярный жанр – это всё, что она может себе позволить.

Она села возле окна. От выпавшего снега двор посветлел, ветер шевелил качели, коты, обернув себя хвостами, ёжились возле мусорных контейнеров. Римма чувствовала себя на дне глубокого колодца, из которого виден кусочек неба с клочковатым облаком. Неважно жить в колодце, но она привыкла. Её книга жизни – это одно название, а содержания и тем более картинок никаких нет.

Зимой, в гололедицу, с костылями выходить на улицу было опасно. Каждый вечер она спускалась в пропахший кошачьей мочой подъезд с ржавыми, кое-где наполовину оторванными почтовыми ящиками, чтобы получить вечернюю газету и обязательное письмо.

Смеркается теперь рано. Она полила цветок на подокон-

нике, вскипятила чайник. На часах половина первого. До четырёх часов, когда приходит почтальон, далеко.

Скорее бы прошла унылая зима, а там она будет выходить в парк, сидеть на скамейке и смотреть, как возятся в песочницах карапузы, целуются парочки и прогуливаются старушки.

Она вспомнила, как однажды летом к ней подсел парень: хотел познакомиться. Она сидела красивая и молодая. А потом он увидел рядом с ней костыли и быстро ушёл.

Телефонный звонок напугал её. Кто это может быть? Кроме девушки из соцобеспечения, ей совершенно некому звонить.

Мужчина спросил Марину. Ошиблись номером…

Чувство одиночества стало нестерпимым после ухода матери – единственного в её жизни человека, который помогал жить уже тем, что жила сама. Душила обида. Как мать могла оставить её в этих бесконечных, одинаковых днях, вязких, как пластилин? Мать для неё была земной осью.

С утра Римма торопила время, ожидая вечернего письма. Потом допоздна писала ответ на «до востребования», а утром относила на почту и бросала его в синий металлический ящик. Делать это было нетрудно. Почта находилась рядом с домом и магазином, в котором она покупала продукты.

Римма была нездорова с рождения. Она не знала, что такое бегать по траве, кататься на велосипеде, танцевать, иметь здоровые молодые ноги, красивую лёгкую походку, нравить-

ся парням и терять голову от любви. Жизнь лишила её всего, чему должен радоваться молодой и сильный организм. Молочные реки с кисельными берегами, с любовями и счастливыми встречами протекали где-то в других краях и к ней не могли иметь никакого отношения. Она привыкла думать так. Но счастья на самом донышке души ей хотелось, как хочется его каждому.

Переписка с Константином началась после прочтения ею объявления в газете в разделе «Знакомства». Газету принесла соседка по площадке тётя Дуся. В допенсионные времена она учила детей русскому языку и литературе, постоянно блистала литературными цитатами и стихами классиков. Она была маминой подружкой, и Римма с матерью ходили к ней в гости пить чай. Тётя Дуся обычно пекла тортик с вишнями, включала телевизор, и они смотрели сериал. Когда мамы не стало, две одинокие женщины продолжали общаться и смотреть слезливые фильмы. Дуся была шустрой и доброй старушкой. В плохую погоду она приносила Римме хлеб и молоко. Почти сразу после смерти матери Дуся притащила газету с объявлением. В ней молодой мужчина предлагал переписку обычной женщине до сорока лет. Больше никаких пожеланий не было. Для него ничего не значили рост, внешность и другие параметры, которые обычно в таких объявлениях присутствуют.

– Хорошо, если бы ты начала с кем-то общаться. Вот муж-

чина предлагает переписку. Что в этом плохого? Не обязательно сообщать ему, что ты нездорова. Может быть, он тоже нездоровый, и ему хочется общения. Ничего плохого в этом не вижу. Будет тебе чем заняться, – сказала Дуся.

Предложение обрадовало. Не надо было описывать свою внешность, под «обычную» она не попадала, но ведь об этом можно было не говорить. Набравшись храбрости, написала, а Константин ответил. Так на неё вдруг свалилось счастье. Костины письма были лёгкими и радовали. Они чуть-чуть смягчали мамино отсутствие. Сердце начинало биться чаще и хотелось жить дальше.

Всю вторую половину дня она с нетерпеньем ждала вечера, чтобы спуститься на первый этаж и вместе с вечерней газетой забрать белеющий там конверт.

Она очень старалась, ей хотелось не разочаровать Константина. Вначале боялась, чтобы ему не было с ней скучно, а потом стала переживать, что рано или поздно он попросит её о встрече. И тогда, без объяснения причин, она вынуждена будет прервать переписку, растворившись в пространстве. Но Костя никуда не звал, а просто и с радостью отвечал.

Девушка решила, что никогда не признается ему в своей беде. Получался обман, но хоть что-то у неё должно быть в жизни! Хоть что-то…

Римма сходила в фотоателье и послала Косте свою фотографию. Она была симпатичной девушкой. Никто бы нико-

гда не догадался о её болезни. Костя тоже прислал фотографию. Она купила для неё рамочку и повесила над кухонным столом.

У неё образовалась личная жизнь.

Однажды ей пришёл листочек с такими чудесными словами, что она села за кухонным столом и проплакала весь вечер.

«У меня такое чувство, что я знаю тебя очень давно и очень хорошо. Я радуюсь каждой строчке, написанной тобой. Ты стала мне близким и родным человеком. Мне всё в тебе нравится – как ты думаешь, как разговариваешь со мной, твой почерк, твои тёплые и интересные письма. У меня есть тайна, о которой я пока не решаюсь тебе сказать. Скажу чуть позже, но надеюсь, что она не помешает нам переписываться. У тебя удивительное имя – Римма. В книге об именах написано, что оно означает «жемчужина». Ты моя жемчужина».

Молодые люди жили в одном городе, переписка тянулась год, они сблизились, а встретиться нет никаких поползновений. Несовременные отношения.

Римма стала ломать голову.

– О какой тайне может идти речь? Может быть, он заключённый и от нечего делать пишет ещё десяти девушкам? Или у него есть жена и дети. Жену он не любит: ведь если бы любил, зачем ему кому-то писать? Он не знает, что Римма нездорова, и может быть начал строить какие-то планы на её

счёт.

Римма стала реже заходить к тёте Дусе.

Ей было некогда, она все время сочиняла письма, а в остальное время ждала их. Это состояние требовало душевных сил, которые она не хотела никуда растрачивать.

Когда Римма приходила, соседка подробно расспрашивала её про Костю и радовалась, что у неё появился интерес к жизни.

Вдруг письма от Константина стали приходить реже, а потом совсем исчезли на целую неделю.

Римма не думала, что ей будет так тяжело.

Вечером, вновь не найдя в ящике конверта со знакомым почерком, она пошла к соседке время скоротать, огорчением поделиться. Оказалось, что старушка прихворнула и на улицу не выходит, уже неделю в постели лежит. Сели чай пить, а потом Римма встала и к окну подошла. В Дусином окне был другой пейзаж, её окна выходили на соседнюю улицу, где двигался транспорт и шагали люди. Римма стояла и смотрела, как совсем рядом бьёт ключом чужая жизнь.

Вдруг её взгляд упал на лежащее на подоконнике нераспечатанное письмо. Знакомым почерком на нём был выведен адрес Риммы, её имя и фамилия. Взяла в руки. Да, это было письмо от Кости.

Она оцепенела от своей догадки.

– Что это, тётя Дуся? Что это значит? – шёпотом спросила Римма.

– Прости старую дуру! Неожиданно так получилось, но скоро ты бы сама всё узнала. Ты должна была это письмо неделю назад получить, но я вот заболела.

– Я… я, кажется, всё поняла… Нет никакого Кости… Вы всё придумали. Вы дурачили меня… Обманывали… Писали за Костю… Какая вы… злая… Как можно?..

Римма повернулась, чтобы уйти. Она была на грани обморока.

– Риммочка, стой! Костя существует! Этот обман мой – он не совсем обман, – Дуся схватила её за рукав.

– Как это – «не совсем»?

– Погоди. Выслушай меня, детка, и прости, если я что неправильно сделала.

– Не надо никаких объяснений. Мне очень тяжело. Всё кончено для меня! – ответила Римма.

– Я прошу только меня выслушать. Сядь, не уходи, ради бога!

Я человек одинокий. Сама знаешь, как тяжело одной жить. Всё время я искала, чем бы себя занять. Искала и нашла. Стала ходить в клуб инвалидов-афганцев и вести там литературную студию. Тяжело им очень. Такие ребята хорошие, но особенные. Несчастные, увечий своих стесняются, а многие из них такие талантливые! Кто-то спортом начал заниматься, ну своим… для инвалидов. Кто рисует, кто-то руками мастерит. Они находят себя в творчестве, стараются себя реализовать. Многие стихи пишут. Костя – парень за-

мечательный. Он ничего не может делать сам, потому что он слепой. С ним всё время мать ходит, он улицы боится. Не научился ещё со своей бедой жить.

Римма сидела с мокрым от слёз лицом.

– Сдружилась я с Костей и его мамой. А тут твоя умерла. Лида меня просила тебя поддержать, чтобы её уход смягчить. Да что я, сама разве не понимаю? Ты же мне как дочь! Не сердись на меня, Риммочка.

Прости, Христа ради! Обман мой небольшой. Костя существует, я ему твои письма читаю и с его слов тебе пишу. Он счастлив, что ты у него есть. Я ему уже призналась, что у тебя ноги больные. Ты знаешь, он даже обрадовался, что у тебя есть какой-то изъян.

– А что же его мама вместо него не писала?

– Я сама предложила. Его мама простой человек. Я ведь покрасивей могла бы написать. Двоим хотела помочь – тебе и ему. Нет! Четверым. Ещё маме его и себе. Знаешь, как приятно кому-то радость дарить? Понимаешь? Всем было от ваших писем хорошо!

А твою фотографию ему мама подробно описала, и я все время про тебя говорю. Ты знаешь, что он сказал? Всё в письме прочтёшь. Он мне его сам по телефону надиктовал. Все слова там его – все до единого!

Римма не в состоянии была говорить – взяла письмо и вышла.

Дома долго не решалась прочесть. Наконец, сделав над собой усилие, открыла:

«…Римма, жемчужина моя, сегодня я решил сказать тебе правду, потому что чем дальше, тем больше терзает меня моя тайна. Я слепой и писать не могу. Война сделала из меня инвалида. За меня пишет чудесный человек Евдокия Ивановна. Я очень боялся нарушить нашу переписку. Теперь ты всё знаешь, и будет так, как ты решишь. Нужен ли тебе я такой? Совсем недавно мне не хотелось жить, а теперь хочется. Я никогда никого не любил. Не успел до армии влюбиться. К тебе я стал испытывать очень тёплые чувства, и мне кажется, что они переросли в любовь. Прости меня за мой обман. За пять лет своей беды я уже научился двигаться в пространстве и почти всё умею делать по дому. На улице меня провожает мама, но я научусь и этому.

Я знаю про тебя очень много. Мне всё рассказывает Евдокия Ивановна. Ведь ты росла на её глазах. Я знаю, как ты выглядишь, как живёшь, что любишь и какой у тебя характер. Я очень благодарен ей за тебя. Теперь я решил предложить тебе встретиться и, если я не буду тебе противен, прими моё предложение руки и сердца. На фотографии, которую я тебе высылал, я перед армией. Говорят, что я остался таким же. Только теперь не вижу…»

Когда Римма родила девочку, её решили назвать Евдоки-

ей…

4. МамАся

Старуха лежала лицом к стенке совершенно без сил и ждала смерти. Смерть для неё – это лучшее, что может произойти. Никого не обременять, не тревожить и не тратить деньги детей на лекарства. Пришло время – надо умирать. Ничего в этом нет диковинного, всё идёт своим чередом.

На стене перед её глазами висел вытертый от времени ядовитого цвета бархатный ковёр. Синий фон – красные розы. Ничего особенного она не нажила. Прошла молодость, красота, утрачено здоровье, иссякли силы, позади прожитые годы, которые не были лёгкими, а скорее наоборот.

С первым своим дитём Ася стала называться МамАсей, да так ею и осталась для всех своих последующих ребятишек, для племянников, соседей и мужа. К старости МамАся растеряла всю свою большую семью, оставшиеся в живых дети поразъезжались и проживали в отдалении. При ней оставался младший Колька – последыш. Родила его нежданно-негаданно в сорок семь. Растить Кольку пришлось самой, потому как овдовела МамАся, когда сынишке и годика не было. Мальчонка изначально получился неугомонный, шаловливый до крайности, вечно в синяках да ссадинах, в драках да озорстве. Никого и ничего не любил, кроме матери. Но морока с ним была постоянная, пока в армию не услали. Письма домой слал часто, а как вернулся, отправился в областной

центр, в ПТУ учиться на плиточника. В городе вместо того, чтобы красиво и ровно класть кафель да радовать мать успехами, дурака валял. Учиться заленился, от свободы и безделья совсем сдурел, связался с хулиганьём.

МамАся в неделю по курице резала, отправляла сыну вместе с овощами и картошкой. Всю снедь на снятую квартиру ему привозил шофер Венька, которому по служебным делам следовало в город приезжать. Как-то он МамАсю очень расстроил своим рассказом: «Снятая Колькой квартира вся в пустых водочных бутылках; ребята, которые у Кольки ошиваются, – так это сущие бандюки, а девки просто стыд и срам – вовсе непотребные». Бросать хозяйство, ехать и разбираться с пацаном у МамАси не было ни сил, ни времени. Когда всё же приехала, было поздно: кровинушка её, последыш Колька, находился под следствием за разбой. МамАся увидела его один раз на суде, совсем чужого, погрубевшего, напуганного и жалкого. Винился, говорил про обстоятельства, даже слезу выжал. Поняла мать, что надо было его при себе держать, пусть бы в деревне работал скотником, как все. Город до добра не доводит. Душа её рвалась и мучилась, но на людях плакать себе не позволяла. Стала сына ждать, как из армии ждала. Кольке дали пять лет строгого режима. Когда вышел, головой не просветлел и скоро ещё пять огрёб. МамАся состарилась в одночасье. Старость и немощь подкрались и накрыли мерзким колпаком. Время от времени приезжали дети – Танюшка, старшая дочь, старалась в огороде

всё сделать, да разве можно за выходные со всем управиться? Уезжала, плакала, жалела мать. Ваня тоже заезжал, но редко – у самого семья. Вроде бы и не далеко, в соседней деревне, но такое же хозяйство было и на его плечах, да ещё троих малолетних ребятишек растил. Валюшка жила далеко, в Сумах, и приезжала редко.

В одно и то же время лежали на своих койках МамАся и Колька. МамАся дома, а Колька в тюрьме. Лежали, и каждый свою думу думал. Оставалось Кольке терпеть пару месяцев, когда пришла ему весть, что МамАся помирает.

Кольке казалось, что мать вечная. Скучал по ней очень, жалел себя и её, но больше себя.

«Что делать?» – думал Колька. С матерью надо попрощаться. Жизнь свою стал анализировать. Оглушил тогда его город, затянули чужие мысли, свобода и безделье. Колька вспоминал мать, её натруженные руки, седые пряди из-под платка. Отца он не знал, сёстры и братья к его появлению на свет уже жили самостоятельно, и близких отношений с ними не было, не приросли друг к другу. Кольке исполнилось тридцать, это значит матери сейчас семьдесят семь. Для деревни это глубокая старость. Он не мог себе представить, как это может быть, что матери не станет. Где бы он сам ни находился, мать должна быть обязательно. В деревне, в доме своём среди большого хозяйства. Должна жить и его ждать. Как же без неё? Кому он ещё нужен? Никому! Стыд и тоска, что прожила старуха без него целых десять лет, разъедали

нутро. Так закралась мысль о побеге, разрослась и требовала действия.

– Надо успеть мать увидеть. Сбечь надо, и всё тут, другого пути нет! Отсижу потом. Чего уж… – решил Колька.

Два дня думал, как этот побег осуществить, и придумал. Когда в тюрьму привозили продукты, машина стояла возле кухни где-то с полчаса. Машина большая, с брезентовым верхом. Он часто помогал её разгружать и за это получал полбуханки хлеба. Кто от хлеба-то откажется? Охрана привыкла, что Колька вечно возле грузовика трётся. И так всё легко сложилось, что сумел Колька в машину просочиться и там замереть между ящиками. Это в кино все побеги просто осуществляются. У Кольки получилось, как в кино. Даже самому странно было. Дальше в городе было труднее: долго искал, кто бы довёз до его деревни задаром. Какой у зэка вид? Неважный у него вид! Пошёл пешком. Решил в крайнем случае заночевать в поле, в стогу. Однако опять удивительно, как всё хорошо сложилось у Кольки! Подобрал его порожний грузовик. За рулём был Венька. Удивились друг другу до крайности. Стало ясно, что раньше времени едет домой осуждённый Николай Семенюк. Подтвердил Венька, что МамАся совсем плоха, не встаёт и собирается на днях отойти.

Пока трясся Колька в машине, душили его слёзы, ни о чём не хотелось говорить. Ехал и мечтал успеть мать живой застать. Чтобы обнять, уткнуться в сухонькое плечо, услышать,

как сеном пахнут её руки. Он понимал, что искать его будут у матери. Может, даже быстрее обернутся, чем он доберётся до дома.

МамАся лежала, а возле неё суетились дети – Танюшка старшенькая, Валя приехала из Сум со своим мужем, Ванька тоже был рядом. Матери было совсем плохо. Силы покидали её.

– МамАся, может, хоть киселя попьёшь? – спрашивала Танюшка.

Мать не ела несколько дней.

– Не буду я. Что от Кольки слышно, кто знает? Где он есть?

– Где ему быть? На месте он, МамАся! Куда определили, там он и есть! Жив и здоров, как конь.

– Когда же придёт-то? – терзалась мать вопросом. Похоже, что забыла о его месторасположении либо вовсе мыслями запуталась.

– Ты ж сама говорила, что летом будет. Вот и живи до лета. А то, ишь, что выдумала – помирать! Это всегда можно успеть. А ты потерпи маленько, вот и дождёшься Кольки-то…

Таньке было горько, что все они – дети нормальные, любящие, – здесь, а материнское сердце терзается по этому Кольке-отморозку. Как только такой уродился! Осуждали, что позорит семью, мать в могилу сводит. Паршивец, одним словом! Страдали материными страданиями, а что толку? Сты-

добища…

Колька ехал к матери и боялся только одного – её не застать…

Вспомнил с чего-то, как, будучи подростком, обнёс соседский сад. Грех был большой. Дед Егор выращивал редкий для деревни фрукт – персик. Три дерева стояли рядком. Он их обихаживал годами, и было странно, что они за его заботу дают всего по несколько плодов. А дед всё продолжал их холить, питал и поливал, в морозы укутывал газетами и разными тряпками. И вот наконец одно дерево дало урожай. Персиков было много. Егор ходил, любовался, ждал, когда поспеют южные плоды. Колька всё это прекрасно видел и знал особое отношение к этим деревьям дядьки Егора. Однако залез и снял все до единого персика. Снял недозревшими, плоды были твёрдыми, абсолютно неинтересными. Попробовав один, Колька всё выбросил. А дед Егор, обнаружив разбой, занемог. Слёг, да и помер через неделю. Колька такое дело к своему подлому поступку не относил. Помер, да и помер, время пришло. Старый ведь дед был. Так никто и не дознался, чьих рук было то чёрное дело. И только отбывая срок, вспоминал Колька деда Егора не раз. Скребло на душе.

МамАся лежала на боку и смотрела в стену. Была она в прошлом году ею белёная. Ядовитый ковёр закрывал её лишь частично.

«Надо бы перебелить, зачадилась маленько», – думала

мать. Мысли в её голове ютились коротенькие, мешались в кашу. Глаза закроет, и видится ей золотистое бескрайнее поле. В нём васильки голубеют. Солнце вовсю печёт. А она с Коляшкой маленьким на руках. Или зиму вспоминает, как бегает её чадо, весёлое, да румяное с санками…

– Колечка, детка, как же ты в беду-то попал? Самый маленький, самый беззащитный! – страдала мать.

Когда подъехали к дому, увидел Колька, что возле двора стоит милицейский «бобик» с участковым Сидоровым. Колька не удивился, понимал, почему он тут стоит.

Куда ещё беглецу-дураку деваться, как не домой?

Колька открыл дверь ментовской машины и сел рядом с Сидоровым.

– Дядя Паша, будь человеком, не забирай меня сегодня! Мать помирает, я ушёл, чтобы успеть с ней попрощаться.

– Не имею права, Николай Иванович! Я должен твои правонарушения пресечь.

– У тебя у самого, что ли, матери нет?

– Раньше бы о ней так пёкся!

– Ошибки молодости, дядя Паша. Исправлюсь, дай только с матерью попрощаться. Пусть порадуется, что вернулся.

– Молодость, Коля, не оправдание! По-разному можно свою молодость проводить, а не так, как ты. Ты, подлец, материнской жизни-то и убавил.

– Дай мне сегодняшний вечер. Пусть мать меня увидит, а там что-нибудь для неё придумаю. Я завтра с утра сам приду,

сдамся. Обещаю.

– Мне тебя положено обезвредить. А твоим обещаниям верить, это скорого увольнения ждать.

– Завтра обезвредишь! Ну не видал ты меня, и всё! Кто проверит? Доложи, что не обнаружил меня. Завтра сам приду. Матерью клянусь!

Во дворе залаяла собака. Чёрный злющий пёс Барсик. Мал, но сторож замечательный. Эх, как же мечтал Колька пса увидеть, стены родные, ощутить под ладонями сутулую материну спину.

Паша начал колебаться. Что-то в этой ситуации было ему не совсем понятно. Не настоящий какой-то беглец получался. Не скрывается ни от кого. Вот он – бери его голыми руками, вези в участок и послезавтра грамоту получай за бдительность, или премию. Вроде бы для Кольки и смысла сбегать никакого не было. Через два месяца должен был он явиться пред ясны очи мента дяди Паши. До свободы – рукой подать! Зачем же всё рушить?

– Ладно, Колька, не видел я тебя и не слышал! Упади здесь на дно, и чтобы никто из соседей тебя не наблюдал. Завтра утром сдашься. Сам приди. От этого тебе будет послабление.

– Спасибо за понимание, дядя Паша.

Тронул калитку. Барсик не сразу узнал. Зашёлся лаем. Неужели он так изменился?

В дверях возникла Татьяна.

– Вот это сюрприз! Никто и не ждал!

Не было в её голосе радости, досада одна.

– Ну, проходи, поспел в аккурат к смертному одру! Мать совсем не подымается, всё тебя зовёт, любимого сына.

Колька отодвинул сестру, вошёл в дом, не раздеваясь, прошёл на материну половину. Увидел её и затрясся в рыданиях. Крохотная такая лежит, глаза закрыты, руки, как веточки сухие поверх одеяла.

– МамАся!!!

Ринулся к кровати, обхватил её всю. Сколько мечтал об этом мгновении?

– Коля, сынок! Вернулся? – Голос тихий, бесцветные глаза слезятся. Руку его ловит, чтобы поцеловать. Мать впадала в сон, просыпалась и вновь радовалась, как в первый раз.

– Дал Бог свидеться! Колечка, сынок, радость-то какая!

Сёстры с братьями стояли в дверях, смотрели, как проходит свидание, Татьяна собрала ужин, выставила бутыль самогона, солений разных, картошки нажарила. Разговоры вели про хозяйство и как подрастают дети. Колька не признался, что сбежал из мест заключения. Решил завтра сказать.

К ночи все угомонились, разбрелись по койкам. Знакомо пахло домом, лаяла собака, в углу скреблась мышь… На душе праздник – там за стенкой, как всегда, спит его МамАся. Вину свою хочется исправить, сгладить, всё заново начать. Работы вон полно: калитка плохо закрывается, бурьян вдоль забора повылез, собачья будка развалилась совсем…

Кольку накрыл тяжёлый, больной и тревожный сон.

На рассвете Татьяна подхватилась от того, что в кухне что-то упало.

Коты, что ли, расшалились? Встала сонная и остолбенела в дверях. Глазам своим не поверила. В кухне стояла МамАся и замешивала тесто.

– Танюшка, я тут решила блины пожарить. Колька их очень любит. Как проснётся, а его-то блины мои ждут. Обрадуется…

5. Как-нибудь сами

Миле-ягодке сорок пять. Подругам она говорила: «Я как малосольный огурец – уже не свежий, но ещё не солёный». У неё поздний ребёнок, Лёшке всего тринадцать лет. Нужно ещё столько сказать мальчику, держать его за руку долго-долго. Может, всю жизнь? Всегда будет тревога, она живёт где-то посреди организма – боевая готовность номер один. Правильно ли дорогу переходит, как развивается, в кого влюбится и прочие страхи, которые обступают, как враги, любую нормальную мать. А Мила – мать ненормальная. У неё всё в усиленном варианте. Она уверена, что дорогу сын переходит на красный свет, его развитие зависит только от её личного вклада, а девушку он выберет наверняка неподходящую. Страшно!

Ей всё время страшно. Лёшка задерживается в школе, она отпрашивается с работы, летит в пыльных потных троллейбусах, чтобы убедиться – жив-здоров, сидит себе на кухне и уплетает холодную котлету, запивая молоком из холодильника.

– Что ты делаешь, сын? Получишь ангину и расстройство желудка.

Ну как же это? Пропадёт без матери!

Она обожает Лёшку. Он центр вселенной, а вокруг всё вертится – и она, и планеты, и всё это остановится, если

вдруг что не так.

Все жили в её турбулентном потоке.

Лёшка должен вырасти настоящим мужиком, поэтому Мила отдала его в секцию бокса (чтобы умел за себя постоять), на музыку (чтобы духовно развился) и на плавание (чтобы со временем Лёша имел косую сажень в плечах). Пока он рос, косую сажень развила в себе Мила, таская сумки с провиантом. Металась, как подорванная, между работой, кружками и секциями. Себя извела, и сын не очень-то рад. Свободы никакой. Лёшка хочет во дворе в футбол погонять, а его за руку и вперёд! Гаммы учи! Обнесла крепостной стеной всю семью. И отстреливается, если вдруг помеха какая.

Граница на замке и никаких нарушителей! Лёшке дружить не с кем и некогда. Пока терпит, а что дальше? Страшно!

Собой заниматься некогда – работа и Лёшка, всё остальное второстепенное и второсортное.

Мужа, Всеволода – туда же, за крепостную стену… Но он то внутри стены, то снаружи. Такое непонимание огорчало. Несимметричный человек. Вот она примерная жена. Сыном занимается, на кухне как в операционной, правда в спальне уныло, как в склепе…

– Не перегни, – учат подруги. – Меньше жертвенности, больше женственности. Тебе не двадцать лет!

Мила и без них знает, что не двадцать. Эти слова производили отравляющее действие, поэтому советы отторгала, от-

кладывала «на потом». А ничего не следует откладывать «на потом», жизнь идёт сейчас, сию минуту и секунду, без каких-либо возвратов в прошлое. Даже если очень напряжёшься, вчерашняя пятница не вернётся.

Печально, когда женщина между «удобно» и «красиво» выбирает первое и когда в дождь, несмотря на наличие зонта, намокают все выпуклые места. Пора собой заняться, но когда? Время бежало с подлой скоростью, не оставляя надежд, что где-то притормозит.

Мила жила в своём измерении, где всё рассматривалось с точки зрения пользы для сына. Нет пользы – нет разговора…

Бунт на корабле разразился, когда Алексей категорически отказался ходить в музыкальную школу. Это была катастрофа! Мила звонила учителям, подругам – советовалась. Все в один голос убеждали оставить ребёнка в покое.

– Кончай подсказывать, дай мальчику жить без твоих шпаргалок.

Легко говорить. Мила отступила с сердечными каплями и давлением.

Когда ребёнок пришёл с занятий по боксу с носом цвета недозрелой сливы, Мила в ужасе прекратила тренировки. Опять отступление…

– Что же делать? Высвобождается время. Куда сын его употребит? Двор, придурки разные, курение, вино, наркотики…

Нарисовав себе картину, рядом с которой вселенский по-

топ был бы просто мелким эпизодом, Мила сдала ребёнка в элитный интернат с усиленным изучением языков.

– Языки – это будущее, это всегда пригодится, – утешала она себя, не находя теперь сына в его родной кровати.

Она страдала и с трудом старалась привыкнуть к этому. Получалось плохо. От его отсутствия вся как-то захлопнулась. Интернат выдавал воспитанников только на выходные. Теперь её жизнь состояла из выходных. К ним она готовилась с тщательностью генералиссимуса, готовящего парад на Красной площади. Холодильник забивался фруктами и всем, что полезно Лёшке.

Милочке её жизнь напоминала дорожку для легкоатлетов – знай себе беги, чтоб у ленточки – первая. Но она не за себя волновалась. Первым должен быть сын – самый способный и умный. Он сам дорогу не выберет, надо подсказывать, чтобы не сбился с курса.

Изучать три языка оказалось делом не простым, и были наняты репетиторы, ради которых Мила брала дополнительную работу на дом.

Муж всё где-то рядом на околоМилочкоЛёшиной орбите, но не с ней. Он даже мешал своими рассуждениями о свободе личности и прочей ерунде. Ему что? Он не просыпается в шесть утра, чтобы побежать на базар и купить что-то нужное для развивающегося организма ребёнка, который весь вымотался и обезвитаминился с этими языками. Лежит себе супруг студнем перед телевизором, за футбол переживает…

Лёшка в своём интернате стал какой-то другой, возмужал и оторвался от той жизни, которую Мила выстилала стерильной ватой. Начал дерзить и сопротивляться.

– Ничего, пройдёт, это подростковый период, – успокаивала себя Мила. – Это у всех бывает. Гормоны.

А Лёшка у неё положительный. Всю жизнь вкладывала в него только хорошее. Эта прививка должна сработать, если вдруг какая дрянь на пути встретится.

Всё у Милы было налажено, всё продумано, и вдруг – обвал, и она полетела в пропасть со всей своей заботой и любовью, и конца пропасти не видно. Оказалось, всё шло хорошо, только мимо.

Как-то вечером случился звонок. На той стороне провода женский голос ласково так проворковал, что у Всеволода любовница, у которой он сейчас, вот сию секунду и прохлаждается. Трубку после этого сообщения положили, и Мила села в кресло и попыталась организоваться.

У мужа любовница? Как это? Она скорее поверила бы в секс по домофону! Он лыс, обветшал маленько, пузо приобрёл. Совсем не Голливуд. Кому он нужен, кроме неё?

Правда, последнее время стал за собой следить, рубашку ему каждый день свежую подавай, одеколон дорогой купил…Что ещё? А… бывало, задерживался после работы, объясняя завалом с заказчиками.

Раньше не было дополнительной работы и вдруг теперь почти каждый день. Это при прежней-то зарплате? Какая

любовница? А она, Мила, теперь кто? Сожительница? Домработница?

Совладать с водопадом чувств было невозможно. У мужиков верность вещь рудиментарная.

– Дракулы! Синие Бороды! И мой секс-символ туда же! Иуда.

Так долго ждала ребёнка – сын родился, всю себя отдала ему, но ведь и про Всеволода не забывала. Ещё умудрялась к свекрови в село ездить, огород обрабатывала, выращивая овощи – стирала грань между городом и деревней.

А что делал муж? Вес наращивал, стирал грань между грудью и животом. Его бескрылость пугала. Смотрел, как Мила прыгает, будто заяц на верёвке.

Ей вдруг вспомнился на базаре нищий побирушка с зайцем на привязи. На картонке было написано, что заяц из цирка и пропадает теперь от голода. Интересное решение! Зайчишка всё время пытался упрыгать на свободу, но верёвка мешала, и предприимчивый владелец зайца вновь и вновь подтягивал ограничитель заячьей свободы к себе, устраивал зайца на прежнее место. Свободолюбивое, как оказалось, животное, посидев смиренно минуту и грустно опустив длинные уши, вновь предпринимало попытку сбежать от этого кошмара, от людей, от верёвки в свой заячий мир. Было нестерпимо жаль его. Вот и Мила всю жизнь свою была таким зайцем…

Факт, что все мужики изменщики и лгуны. Но то ВСЕ, а

это – её Всеволод! А Лёшка для него теперь тоже ничто?

Мила подошла к зеркалу и огорчилась. Постричься не мешало бы ещё три месяца назад. И седину закрасить. Лицо осунулось и опустилось. Время вспять не повернуть, но сидеть сложа руки – себе яму копать. Вот и докопалась. Подружки по салонам бегают – массажи, косметички, парикмахеры и визажисты. А она с работы и за Лёшкой, в выходной по базарам, аптекам и магазинам, у плиты и в секциях! Карьеры не сделала, убила в себе нестандартность мышления…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.